

А.И. Фурсов

На закате Современности: Терроризм или всемирная война?¹

Определяйте значение слов.

Р.Декарт

*Как мир меняется! И как я сам меняюсь!
Лишь именем одним я называюсь.*

Н.Заболоцкий

*Мир приходит к тебе таким,
каким он исходит от тебя.*

А.А.Зиновьев

Террор? Терроризм?

...Догоним и перегоним Запад – об этом мечтали все поколения советских вождей, ждали этого. Дождались. Только не советские, а уже постсоветские руководители, так сказать “поколение, достигшее цели” (Р.Шекли). Дождались – жизни при коммунизме, правда, приватизированном, не для всех; при этом приватизированным оказалось не только имущество, но, прежде всего власть, насилие.

---

¹ Опубликовано в: Русский исторический журнал. – М., 1999. – Т. II, № 2. – С. 193-231.

Дождались – догнали и, похоже, перегнали Запад по террору. Не вообще по террору – этого у нас всегда хватало: от Ивана Грозного до Иосифа Ужасного. По террору напоминающему, тот, что потряс Запад, да и мир в целом последней трети XX в.: “Красные бригады”, убившие Альдо Моро и не только его; “Фракция Красной Армии” (группа Баадер-Майнхоф); баскские, ирландские, сикхские, арабские и многие другие террористы – от Колумбии до Японии. Разумеется, террор террору и терроризм терроризму – рознь, и та вспышка насилия, которую мы переживаем, имеет свои особенности, коренящиеся как в специфике русской истории, так и в конкретных обстоятельствах разложения коммунистического порядка. Однако в то же время терроризм как явление имеет целый ряд общих черт. Более того, это явление ныне мировое, глобальное. Это прямая и явная угроза миру в целом и каждому по отдельности, в том числе в России – взрывы в Москве и Волгодонске продемонстрировали это лишний раз и со всей “сюрреалистической прямоотой”. Терроризм становится – стал за последние 25-30 лет – чуть ли не структурой повседневности во многих странах. Теперь и у нас. А потому явление терроризма заслуживает внимания.

В сущности, что мы знаем о терроризме? Что имеем в виду под терроризмом? Нередко за этим термином скрываются очень разные вещи и события. Кроме того, есть разные формы терроризма и террора – государственный и политический, социальный и этнорелигиозный. В последней четверти XX в. мир, включая Россию, столкнулся с целым букетом различных форм терроризма. Однако если поместить их в контекст эпохи как некой целостности, то становится ясно, что терроризм – элемент исторической драмы, перелома, который мир и мы вместе с ним переживаем последние 25-30 лет. И чтобы понять суть нынешнего терроризма, нужно понять его место в эпохе 1970-1990-х гг. в частности и в Современности (1789-1991) вообще – *“кто предупрежден, тот вооружен”*.

Родимое пятно Современности

Терроризм тесно связан с Современностью (Modernity, 1789-1991), он родился вместе с ней, а еще точнее, она родилась вместе с ним, при его посредстве. Современность как эпоха, как социальный тип возникала с террором и в терроре, а затем в войнах, а, как известно, генезис системы определяет ее функционирование. Не поэтому ли терроризм стал одним из родимых пятен Современности? Речь идет, прежде всего, о якобинском терроре Великой французской революции. Разумеется, террор и терроризм существовали задолго до французской революции. У.Лакер одной из первых террористических организаций в истории считает секту сикариев (сика – короткий меч), уничтожавшей в I в. н.э. тех представителей еврейской знати, которые сотрудничали с римлянами. Профессиональных убийц готовила мусульманская организация исмаилитов-асассинов, индийская тхагов. Это – одна сторона дела. Другая сторона – систематический террор со стороны власти, включая завоевателей, по отношению к подчиненному или завоевываемому населению. Примеры можно приводить бесконечно – от Египта фараонов и сулланского террора в Риме до монгольских завоеваний и от инквизиторов до фанатиков-мусульман или индуистов. И, тем не менее, именно Великая французская революция породила терроризм как особое явление – как террор в качестве систематического средства идейно-политической борьбы и в то же время идейно-политического устранения-воспитания населения; в качестве рационального средства достижения “светлого будущего”, свободы, равенства, братства.

Я хочу особо подчеркнуть рационально-просвещенческую, революционную, “гуманистическую” и “демократическую” природу современного (modern) терроризма, творимого в большинстве случаев от имени и на основе *ratio*, гуманизма и социальных идеалов, короче – революционный “красный” террор. Такого до французской революции и до Просвещения не было и быть не могло. В этом смысле можно сказать, что террор якобинцев был “карающим мечом” Просвещения. Символично, что гильотину изобрел врач, а изготовил настройщик клавесинов – квинтэссенциальные профессии Века Просвещения и его высокой культуры. Не хватает только философа-

прогрессиста. Хотя и он есть, но – в качестве жертвы (Кондорсе). Все это не значит, что невозможен террор консервативный, реакционный, “белый”, что его не было – еще как возможен. И еще как был. Примеры, которые сходу приходят в голову – Индонезия 1965 г., когда мусульмане резали коммунистов; Чили 1973 г. Но возникал он нередко в качестве реакции на революционное насилие (та же Индонезия 1965 г., Россия в гражданскую войну). Можно сказать, что политический террор(изм) был **институциализирован** Великой Французской революцией, стал ее политическим институтом, ее структурой повседневности.

Не случайно, что сам термин “терроризм” впервые появляется за год до реального окончания Великой французской революции – в 1798 г. (в “Дополнении к Словарю Французской Академии”). В нем в качестве террористического определялся режим, существовавший во Франции между сентябрем 1793 г. (“закон о подозрительных”) и июлем 1794 г. (падение I Республики). Французская революция с ее якобинской диктатурой создала революционно-террористическую машину, которая уничтожала не столько представителей враждебных ей классов (хотя и их тоже), сколько население в целом, включая революционеров – “Боги жаждут”. По “закону о подозрительных” было арестовано 500 тыс. чел., из них меньшинство относилось к аристократии и духовенству (среди казненных – 15%). Трудно не согласиться с Б.Муром, заметившим, что характерной чертой всех революционных диктатур Современности было использование террора против народа, против маленького человека, который раньше был жертвой Старого порядка, а теперь – нового, революционного. Обосновывалось и оправдывалось все это целями Просвещения и идеалами свободы, *liberté* (здесь по части оправдания насилия свободой сходятся либертин де Сад и революционеры Робеспьер и Сен Жюст).

Субъектом террора во французской революции выступали революционеры, левая власть, “государство якобинцев”. Иными словами, это был терроризм революционно-государственный, т.е. антигосударственный и государственный одновременно, в одной “упаковке”. Такая комбинация возможна лишь в генетической форме Модерна, в дальнейшем Современность

развела терроризм революционный и терроризм государственный. Развела в целом, типо-логически, хотя в реальности – особенно в XX в. с его революциями – возникавшие революционные режимы нередко практиковали то, что именуют “государственным терроризмом”. Этот вид терроризма, впрочем, прекращался по мере укрепления, оформления и “институциализации” революционной власти и, строго говоря, представляет собой не столько “государственный терроризм”, сколько “холодную гражданскую войну” (или “холодную фазу” гражданской войны, например, в СССР – с 1917 по 1939 г.) или “институциализированный революционный терроризм”, со временем превращавшийся в государственную (властную) политику или государственный, но уже не революционно-военный институт, который впоследствии тоже становился объектом деятельности террористов, причем, едва ли не главным.

Не менее, а быть может и более важно то, что именно французская революция связала достижение “свободы, равенства, братства” с террором, с физическим уничтожением индивидов и масс по социально-политическому принципу, т.е. на основе социальной (“классовой”) принадлежности и политических убеждений. Тем самым была сформулирована модель: к рационально понимаемому благу, счастью народа (групп, классов) – через физическое уничтожение того или тех, кто стоит на пути. В то время, как террор служит средством достижения неких целей и ценностей – гуманных, демократических, эти цели именно в силу своего гуманно-демократического, универсального (и универсалистского) характера оправдывают террор. В результате он становится, во-первых, средством и фактором исторического развития; во-вторых, средством и фактором развития прогрессивного, подталкивающим его. С этой точки зрения, такой террор – интегральный элемент Современности, эпохи и общества Модерна”.

Современность как эпоха пережила несколько мощных волн и вспышек систематического политического террора и терроризма. Если оставить в стороне некоторые организации во Франции и Италии (карбонарии) первой четверти XIX в. – это было своеобразное политическое “реликтовое излучение” эпохи Великой французской революции и наполеоновских войн, т.е. эпохи, которой

соответствовала первая волна современного терроризма, то всерьез политическом терроризме, точнее о его второй волне, можно (с некоторой долей упрощения) говорить со второй половины или, точнее, даже последней трети XIX в. Это:

- радикально-националистический терроризм в Ирландии, Македонии, Сербии, с конца XIX в. – в Индии и ряде других стран;
- анархистский терроризм во Франции (1890-е), Италии и Испании;
- революционно-демократический терроризм партий “Народная воля” и “Социалисты-революционеры” в России.

Первый террор был средством создания своего национального государства; второй – разрушения этого института; третий – средством подталкивания революции и захвата власти.

Между 1910 и 1920-м гг. вторая волна современного терроризма спала. Причина очевидна: война. Начались “длинные двадцатые” (1914-1934), плавно перетекшие во Вторую мировую войну, за которой пришло то время, которое французы называют “славным тридцатилетием” (1945-1975), и которое было славным не только для Франции, но и для большей части мира (хотя кое-где это были не 30, а 20-25 лет) – послевоенный подъем мировой экономики, совпавший с “повышательной волной” (А-фазой) “кондратьевского цикла”, ростом доходов населения, надеждами на непрекращающийся рост благосостояния. Популярные в США середины 1950-х годов “Пусть мчатся прекрасные времена” в исполнении саксофониста Луиса Джордана хорошо символизируют это время, так же как Элвис Пресли и ранние “Битлз”.

Нельзя сказать, что в полвека между 1915 и 1965 гг. терроризм полностью исчез, но речь скорее должна идти о более или менее частых террористических акциях – у терроризма были грозные соперники в лице мощных аппаратов власти, организованных массовых движений и войн. Аппараты власти в большинстве случаев, особенно в диктаторских режимах были способны задавить любой терроризм в зародыше. Относительно успешные массовые движения в значительной степени обесценивали любые малогрупповые действия, включая терроризм. Наконец, войны с их обстановкой усиленного

контроля и отомобилизованности затрудняли террор, и одновременно давали выход агрессии.

Что касается “славного тридцатилетия”, то это была эпоха Большого Восстановления (экономического) и Больших Надежд (социально-политических). На рубеже 1960-1970-х гг. стало ясно: восстановление удалось. Не менее ясно также стало и то, что надежды не сбылись – и не сбудутся. Вот тут-то и рванул терроризм. Да где! В странах ядра, самой сердцевины капиталистической системы, чьи названия стали ассоциироваться с чудом – немецким, итальянским и японским. В Европе именно Италия и ФРГ стали центром европейского терроризма XX в. Но прежде чем говорить об этом – общая картина.

Третья волна

Третья – послевоенная – волна терроризма покатила с конца 1960-х. Она распадается на несколько потоков. Во-первых, это латиноамериканская городская партизанская борьба (“тупамарос” в Уругвае, “монтонерос” в Аргентине, повстанческие группы в Бразилии, отчасти “Сендеро Луминосо” в Перу и т.д.). Во-вторых, сепаратистски-националистический терроризм, внешне – второе издание ирландского терроризма конца XIX в. Только теперь, помимо североирландцев с их ИРА, это были еще и баскская ЭТА в Испании, Организация Освобождения Палестины, южномоллукские террористы в Нидерландах и ряд других. В-третьих, городской терроризм в ядре капиталистической системы в Северной Америке, Западной Европе (Италия и ФРГ) и Японии. Позже к перечисленным добавились и другие формы терроризма, но о них потом.

Хотя эта схема, как и любая, упрощает, спрямляет реальность, в целом она отражает реальное положение дел (но повторю: кое-что в нее не вписывается, требуя уточнения и усложнения – например, ОАС во Франции, “Серые волки” в Турции, некоторые другие примеры).

В той или иной степени террористические организации, главным образом, левозэкстремистские, возникли в 1970е гг. во многих наиболее развитых капиталистических странах (например, США: “Симбионистская освободительная армия”, “Черные пантеры”, “везермены” – те самые, что в 1968 г. угрожали отравить всех участников съезда Демократической партии в Чикаго, неонацисты “Ордена Восходящего Солнца”; Великобритания – “Сердитая бригада”), своего наибольшего развития и размаха они достигли в Германии, Италии и Японии. (Кстати, о левом терроризме в Западной Европе и Латинской Америке в 1987 г. В.В.Витюком и С.А.Эфировым была написана очень интересная книга “Левый” терроризм на Западе: история и современность”, которая хорошо читается до сих пор).

Чемпионом по терроризму, если не мира, то Европы (хотя, пожалуй, и мира) в 1970-е была Италия. В этой стране в это время политическое насилие стало элементом повседневной жизни. Пик терроризма в этой стране пришелся на 1976-1978 гг. – более 6 тыс. терактов, половина из них пришлась на 1978 г. Необходимо отметить, что политическое “мочилово” устраивали не только левые, но и правые экстремисты, хотя организаций последних было в четыре раза меньше, чем левых.

Самой известной (хотя далеко не единственной, имелись были и другие – “Автономия”, “Первая линия”, “Вооруженное пролетарское ядро”) левозэкстремистской организацией были “Красные бригады”, созданная в конце 1960-х гг. в основном выпускниками социологического факультета Ун-та г.Тренто, вышедшими из вполне обеспеченных семей. “Бригадисты” взяли на вооружение тактику латиноамериканских городских партизан – *“жги и беги”*, *“наказать одного, чтобы проучить сто”* (Ах, как это напоминает Льва Троцкого с его *“террор уничтожает единицы, а устрашает тысячи”*); история распорядилась так, что Троцкий сам стал жертвой теракта – *“ступай, отравленная сталь, по назначенью”*). С 1975 г. “Красные бригады” переходят к систематическому вооруженному насилию, похищению и убийству людей (так, в 1976 г. в Генуе был убит генеральный прокурор Италии Ф.Коко; в 1978 г. –

похищен и убит председатель христианско-демократической партии Альдо Моро, примеры можно продолжить).

В ФРГ наиболее известной левотеррористической организацией была “Фракция Красной Армии” (“Роте Армее Фракцион” – РАФ), возглавлявшаяся Андреасом Баадером и Ульрикой Майнхоф. Организация была создана в конце 1960-х гг. “Боевой путь” этих “партизан” больших городов похож на бригадистский: теракты (нападение на посольство ФРГ в Стокгольме в апреле 1975 г. – три убитых и три десятка раненых), убийства, похищения людей (в частности, Шляйера, Лоренца). Хотя численность западногерманских террористов была невелика и вообще, и по сравнению с таковой итальянских, размах их деятельности и ее влияние на сытое немецкое общество были таковы, что во второй половине 1970-х гг. заговорили о возрождении в Германии 1920-х, т.е. веймарских времен.

В Японии левозэкстремистский терроризм тоже возник в конце 1960-х. Уже в начале 1970-х гг. в этой стране оформилось около десятка левозэкстремистских организаций, использовавших террористические методы борьбы: “Фракция центра” (“Тюкакуха”), “Фракция революционных марксистов” (“Какумаруха”), “Фракция Красной Армии” (“Сёкигунха”) и др. Именно последняя (в окончательном варианте – “Японская Красная армия”) приобрела наибольшую известность и наибольший пространственный размах деятельности (страны Европы, Ирак, Индия, Малайзия и даже Израиль, где в 1972 г. в аэропорту Лод трое японских террористов убили 26 и ранили 72 человека), т.е., как и РАФ, и “Красные бригады”, это была транснациональная террористическая организация. Японские террористы руководствовались маоистской идеологией и делали то же, что их “коллеги в Европе”.

К началу 1980-х волна левого терроризма в Италии была сбита, в ФРГ его просто придавили, ну а в Японии на смену террористам со временем пришли ребята типа “Аум Синрикё”.

Тем не менее остались вопросы. Действительно, терроризм, скажем, в Бразилии или Индии понятен. Но в двух динамично и успешно (“чудесно”) развивающихся странах? В Японии? Размышления о причинах вспышки

“социального” терроризма 1970-х, хотя он и отличается от нынешнего – “этнорелигиозного”, бесполезны.

Политический терроризм 1970-х: некоторые причины

Многие ученые и журналисты подчеркивали национально-кризисные различия между основными страновыми вариантами политического терроризма 1970-х. В Японии левый терроризм 1970-х связывали с самурайским духом, в Германии – с тевтонским и нацистским; действительно, как писал Беккер в книге “Дети Гитлера” о РАФ, некоторые ее члены верили в “совершенное решение”. Но совершенное – не значит ли окончательное. Endlösung. Привет от Адольфа Алоизовича?

Террор в Италии связывали с большим количеством безработной молодежи, особенно той ее части, что имела высшее образование (300 тыс. безработных выпускников университетов между 1972 и 1977 г.). Сюда добавляли маргинализацию и люмпенизацию части населения как “темную сторону” “итальянского чуда”. В Германии ситуация в этом отношении была иной: там отсутствовал эквивалент итальянского юга, а, следовательно, не было такого количества маргиналов.

Но есть и нечто общее во всех трех случаях. При этом я имею в виду не общее социально-психологического характера: мода, бегство от общества потребления, стремление к комбинации психологических ролей героя и жертвы (садомазохизм), стремление быть частью элиты и неспособность (социальная и личностная) реализовать его, стремление к театрализации своей жизни, патологический артистизм, попытка вырваться из субкультурного подполья и т.д. и т.п.

Все это, наверное, так. Но это мы оставим психологам, как и факт сверхпредставленности в террористических группах женщин. (Интересно, как бы прокомментировала это Камилла Лапалья?) Меня сейчас больше интересует другое – социально-экономический и социально-политический аспекты проблемы.

Все три страны, которые в 1970-е произошла вспышка “политического террора”, и которые захлестнула “третья волна” террора эпохи Модерна, были странами потерпевшими поражение во II мировой войне. Но я вовсе не веду к некоему комплексу побежденных. Речь о другом: о том, что всем этим странам пришлось заново строить, создавать промышленность, реструктуризовать экономику, тогда как промышленность Великобритании и Франции и тем более США почти или совсем не была разрушена войной. В 1940-е – первой половине 1960-х гг. это было преимуществом.

В 1970-1980-е гг. бывшим победителям пришлось за это расплачиваться (every acquisition is a loss and every loss is an acquisition): те, кто был вынужден перестраивать свою экономику, сделал рывок и стал (особенно Япония) пионером НТР. Не случайно наиболее проницательные люди замечают, что реальный победитель в холодной войне – не США, а Япония и Германия, добившиеся экономическими методами в 1980-е – первой половине 1990-х того, чего не смогли добиться военно-политическими в 1930-е – первой половине 1940-х гг.

Показательно, что хотя в западных странах-победителях во Второй мировой войне – США, Великобритании – политический терроризм существовал. Разумеется, ни немецкий, ни особенно японский рывок не были бы возможны, если бы США не стимулировали развитие экономик этих стран по политическим причинам – обе страны играли решающую роль в противостоянии США, западного мира СССР, коммунизму, обе страны находились на передней линии фронта этого противостояния. Отсюда чудеса намного более “чудесные”, чем итальянское. Однако за экономические чудеса эти, точнее – за их теневую сторону, за то, что экономика развивалась так быстро, что социальные структуры и институты не поспевали за ней, пришлось платить социальную и политическую цену, пришлось расплачиваться.

Одна из “расплат” – левозкстремистский террор тех, кто на собственной шкуре почувствовал, что становление новых энтэровских структур производства подрывает их экономические и социальные (статусные) позиции. Это, с одной стороны, нижняя часть рабочего и среднего классов, которая при

малейших социальных и экономических толчках оказывается под угрозой маргинализации и(или) даже “вылетает” за черту. С другой – значительная часть среднего и даже высшего среднего класса, особенно молодое поколение; НТР и ее общественные последствия сократили жизненное социальное пространство этой группы, поставили под угрозу статус, элитарную самоидентификацию. Так общая социальная угроза создала эквивалентно-нишевую, сходную ситуацию для совершенно разных по имущественному положению групп, которые и стали питательной средой терроризма. Например, в Италии 1970-х, социальной базой левого политического насилия были переселенцы с юга страны, маргиналы, а так же студенты из вполне обеспеченных и даже богатых семей*. Отметим, что речь идет о социальных группах, оказавшихся под ударом научно-технического и экономического прогресса, который никогда не происходит просто так – всегда за счет кого-то. И прав был Б.Мур, который писал, что источники социального радикализма находятся не только и даже не столько там, где видел их Маркс, т.е. в стремлении восходящих классов захватить власть. В значительно большей степени радикальные (включая экстремистские) движения – это предсмертный рев классов, которые должна накрыть волна прогресса. Итало-германский терроризм 1970-х гг. – хорошая тому иллюстрация.

Переход от натуральной системы производства к индустриальной ознаменовался эпохой насилия – целой революционной эпохой (1789-1848). Следующий качественный сдвиг – переход от индустриальной к энтээровской системе производства тоже ознаменовался эпохой насилия и революций – от 1968 г. (“студенческая революция”) до 1991 г. (крушение коммунизма в России и Восточной Европе), эпохой, которая, однако, с точки зрения эпохи 1789-1848 гг., “входа в Модерн”, является контрреволюционной (историческая симметрия).

Левозкстремистский (да и правозкстремистский тоже) террор 1970-х – один из аспектов этой революции-контрреволюции, которая начинается появлениями хиппи, студенческим волнениями 1968, продолжается

---

* Вообще дети состоятельных родителей нередки среди террористов. Классический пример такого рода – знаменитый “Карлос”; он же – “Шакал”; он же – Ильич Рамирес Санчес; он же – сын венесуэльского миллионера-маоиста Хосе Антагашла Рамиреса Навахи.

тэтчеризмом, рейганомикой, появлением юппи и завершается падением коммунизма, распадом СССР и уничтожением (в 1998 г., с Косовским кризисом – окончательным) “ялтинской системы”. По-видимому, это была революция-контрреволюция, завершившая Современность, Мир-Модерн. С этой точки зрения, СССР парадоксальным образом оказывается последним оплотом Модерна в демодернизирующемся, постмодернизирующемся мире, последним препятствием на пути безбрежной глобализации, все “прелести” которой и нам, и многим в мире еще предстоит испытать на себе. Но это к слову, вернемся к терроризму 1970-х, который оказывается элементом революционно-контрреволюционной реакции на качественный сдвиг в структурах производства и повседневности, противоречивым феноменом – бунтом одновременно и против Модерна, и против грядущего Постмодерна.

Партийный склероз и роль спецслужб

Этот бунт имел не только производственно-экономические и социальные причины, но и чисто политические (психологические я упомянул выше). Уже к середине 1970-х гг. многие западные политологи указывали на окостенение, склероз партийно-политической системы (теперь, ретроспективно, ясно, что это было начало отмирания партии как особого института на Западе); стал отмечаться отрыв партий от классов и групп, чьи интересы они представляли и выражали, о превращении партий в самостоятельный и во многом самодостаточный, функционирующий и самовоспроизводящийся почти автономно от общества механизм, или, как писали, “гигантский картель”. Причем элементами этого картеля стали противостоящие друг другу партии – буржуазные и социалистические, а если говорить, например, об Италии – буржуазная (ХДП) и коммунистическая (ИКП). Помимо прочего, политический терроризм стал крайней формой борьбы и с картелизацией партийно-политической жизни. Показательно, что труп убитого одиннадцатью пулями Моро бригадисты оставили в машине на улице Микельанжело-Каэтано, расположенной на полпути между “штаб-квартирами” ИКП и ХДП – символ

нанесения удара по обеим партиям, достигшим незадолго до этого “исторического компромисса”.

Я сознательно оставляю в стороне возможную роль спецслужб, включая ЦРУ, как факт и фактор деятельности террористов или даже, как их *“руководящую и направляющую силу”*. Любая спецслужба заинтересована в проникновении в террористическую в частности и революционную вообще среду, чтобы использовать эту среду в своих интересах и, как минимум, получать информацию. Вполне возможно, что, например, ЦРУ, сыграло такую роль в деятельности “бригад”, в похищении Моро в Италии, в убийстве ЭТА генерала Карреро Бланко в Испании. Ну и что из этого? Никакие ЦРУ и КГБ вместе взятые не могли **создать** экстремистское движение, будь то левое или правое, не могли организовать массовый террористический бум 1970-х. Использовать – да. Но ведь возникает и обратная связь, “обратное использование”, при этом результаты зависят от конкретной исторической ситуации. Кто кого использовал и употреблял в 1917-1918 гг.: немецкий генеральный штаб – большевиков или наоборот? Исторически вышло – наоборот.

Вообще борьба полиции, спецслужб с террористами имеет неожиданные последствия. Как заметил А.Жейсмар, террористы (и вообще революционеры) в такой борьбе усваивают самые худшие и порочные стороны системы, против которой борются, а антитеррористические действия государства приводят к перенятию спецслужбами методов террористов. В результате, добавлю я, возникает сумеречная полицейско-криминально-революционно-террористическая зона с характерными для нее “провокационной субкультурой” и крайним цинизмом (на русском примере она прекрасно показана в романе Ю.Давыдова “Глухая игра листопада”). В любом случае роль спецслужб в деятельности террористов и революционеров преувеличивать не стоит – все они элементы целого, и именно целое определяет элементы, а не наоборот. Но вернемся к политическим основам и корням европейского терроризма 1970-х гг.

Выше отмечено, что терроризм 1970-х был реакцией на “картелизацию” политических партий, на их “административизацию” и в этом смысле –

деполитизацию, он “образовался” в зоне разрыва между партиями и обществом, классами, был реакцией на этот разрыв. В свою очередь сам разрыв, о котором идет речь, был одним из первых социальных следствий совпадения начала качественного сдвига в развитии структур производства (НТР) и повседневности, с одной стороны, и начала “понижательной волны” (экономического спада, Б-фазы) “кондратьевского цикла”, с другой.

Пять-шесть лет, прошедшие между студенческими волнениями 1968 г. и повышением цен на нефть ОПЕК в 1973 г. стали водоразделом эпох. Окончилась послевоенная эпоха, время надежд и иллюзий и наступила другая – более конфликтная, жестокая, агрессивная. Это очень хорошо видно и по изменениям в молодежной музыке: в конце 1960-х распадаются “Битлз”, “выработав” свою музыку конца послевоенной эпохи и послав прощальное “Let it be”; вместо них приходят “тяжелый рок” и “хэви”.

Спадет революционно-студенческая волна, и в середине 1970-х на смену “Led Zeppelin” и “Blues Magoos” с их тяжестью и бешеным ритмом, придут мелодичная “АББА” и “диско”, чей ритм аккуратно совпадает с сердечной нормой 72 удара в минуту. Это станет масскультовым изживанием “студенческой революции”. Ее индивидуально-политическим или политически-групповым изживанием и брожением – не винным, вином она перебродила в конце 1960-х, а уксусным, переходящим в гниlostное, которое пойдет “*по слову и крови*” (Ю.Тынянов) в прямом и переносном смысле слова – станет терроризм 1970-х. Психологически это будет облегчаться для части молодежи тем, что ее детство и юность пришлось на антиколониальную борьбу в афро-азиатском и латиноамериканском мире, кубинскую революцию и войну во Вьетнаме.

Терроризм и проблемы буржуазной демократии

Однако терроризм 1970-х нельзя свести только к уксусному брожению и гниению “студенческой революции” – *pas du tout*, это лишь одно из измерений. Еще одно фундаментальное измерение связано с кризисом буржуазной демократии, поскольку терроризм 1970-х был одновременно и проявлением

этого кризиса и реакцией на него. Кому-то формулировки типа “кризис буржуазной демократии” или, тем более, “кризис буржуазного общества” покажутся пропагандистскими клише. Они и были таким в советской прессе и советском обществоведении. Но только отчасти – от одной части. От “другой” части это была точная констатация реальных процессов, тем более, что принадлежит она не только советским “обществоведам” (включая тех, что были в штатском), но и западным.

Слабость буржуазной демократии и ее институтов вытекает из ее силы, обусловлена ею. В равной степени кризис этой демократии есть следствие ее триумфа – *every acquisition is a loss and every loss is an acquisition*. 1950-1960-е гг. стали триумфом буржуазной демократии и *welfare state*. Но были некоторые “детали”, в которых, как известно, прячется дьявол, и на которые в свое время обратил внимание еще Карл Шмитт. Он писал, что власть демократического государства устраняет само понятие права на сопротивление; практика правления большинства, якобы выражающая волю народа, ведет к тому, что большинство превращает все свои предпочтения и действия в закон. Поскольку метаюридических ценностей, способных опровергнуть или хотя бы поставить под сомнение ту или иную юридическую позицию (именем Бога или Разума) нет, любое сопротивление законодательной власти может быть только нарушением закона!

Поскольку за самим современным (*modern*) демократическим законом ничего нет, подхватывает мысль Шмитта Ф.Фюре, то повиновение закону зависит не от содержания закона, а от чисто формальных процедур. Если при этом учесть, что любая демократическая оппозиция начинает с признания демократического большинства, то возникает тупик – логический, юридический и политический. Вот этот порожденный юридическим формализмом тупик и стремится преодолеть террорист. Фюре считает, что отбрасывая идею фундаментального закона и формальных процедур, террорист, сам того не зная, открывает заново общий взгляд **досовременной** представительности, отбрасывает **абстрактную** идею современного государства и восстанавливает **конкретную** антропоморфическую фигуру демократического суверенитета (в

лице политиков и функционеров). Таким образом, институт и абстракции редуцируются к физическим лицам, происходит возврат к архаике – но с помощью современных средств (деюридизация государства), и закону противопоставляется право на сопротивление и вооруженная борьба. В этом смысле цель немецких, итальянских и японских террористов – не захват государства, как это было, например, у Ленина, а его разрушение как института, трактуемого вполне в ленинском духе – в качестве инструмента насилия. Этим указанный терроризм отличается от баскского, ирландского, палестинского, корсиканского и т.п., терроризмов, стремящихся к созданию государства, т.е. от “терроризмов” вполне современных, “национально-государственных” и, если так можно выразиться, модернистских, с одной стороны, и исламско-фундаменталистских – с другой.

Будучи реакцией на формирование энтээровских (постсовременных) структур производства и повседневности, открывая архаическое в современном и направляя его против современного же (против государства), итало-германский терроризм 1970-х объективно выступал в качестве одного из факторов постмодернизации общества, разрушения характерных для Модерна форм коллективной идентичности и поиска новых форм. С этой точки зрения, политический терроризм “бригадистов” и “рафиков” 1970-х гг. имеет нечто общее с терроризмом этническим и религиозным терроризмом 1980-1990-х гг. По сути, это *“два источника, две составные части”* и два этапа в разрушении современного государства и общества Модерна в ходе и посредством НТР и глобализации. Оба типа терроризма представляют собой характерные черты “великого перелома” 1970-1990-х гг.

Другой терроризм?

На первый взгляд может показаться, что ирландский, баскский корсиканский и др. разновидности сепаратистско-этнического терроризма 1980-1990-х годов – это прямое продолжение и(или) возрождение радикального националистического терроризма 1870-1900-х гг., цель которого была вполне

модерновой – создание собственного национального государства. Однако на самом деле перед нами – явление с принципиально новым содержанием (пожалуй, исключение составляют палестинцы и курды, это иной, уходящий корнями глубоко в прошлое случай).

По форме баски и корсиканцы в конце XX в. стремятся к тому же, к чему стремились ирландцы и сербы в конце XIX в. – к обособлению от “чужого” государства и к созданию “своего”. По сути же здесь первично, главное – именно обособление, отрицание. Собственные государственные структуры в эпоху, когда национальное государство (nation-state) постепенно приходит в упадок, или, как говорят в англоязычных странах, “растворяется” (is fading away) и становится картографической иллюзией, когда его подрывают сверху (образования типа Европейского союза и транснациональные корпорации) и снизу (перемещение многих экономических и властных полномочий на муниципальный, локальный уровень), строго говоря не нужны. Зачем быть частью Испании, Франции или Италии, если речь и так идет о единой Европе?

Формирование энтэровской системы производства, “информатизация” финансовых потоков – все это систематически оставляет государство как институт в “историческом офсайде” и в перспективе ведет к удалению с “поля истории”, по крайней мере, содержательно. *“Если нечто движется со скоростью, приближающейся к скорости электронного сигнала, то оно практически свободно от ограничений, связанных с территорией его происхождения”* – заметил З.Бауман. “Территориальное” государство эпохи Модерна во многом утрачивает те функции, которые придавали ему легитимность.

С этой точки зрения, борьба ирландцев, баскских, корсиканских и других террористов такого типа, имеющая длительную **историческую формальную** традицию противостояния своим центрам начиная с 1980-х гг. **логически** обретает иное содержание, получает иную основу. По сути эта борьба – отрицание государства как института, стремление включиться на иной, чем государство (испанское, французское и т.д.) политической основе в современный мир. Этим сепаратистский терроризм 1980-1990-х гг. отличается и от

аналогичного терроризма конца XIX в. и 1960-70-х гг., с одной стороны, и от итало-германо-японского терроризма 1970-х. Во всех этих случаях за одной и той же вооруженно-насильственной формой – терроризмом – скрывается разное содержание: и государственное и глобально-локальное (глокальное); модерновое и постмодернистское; современное по форме, но устремленное в прошлое и внешне-архаическое, но нацеленное в будущее. Так получилось, что НТР объединила в этно-сепаратистском терроризме 1980-1990-х годов “футуризм” и “архаизм” – это при том, что между ними и так есть общее. Как заметил А.Тойнби, *“футуризм и архаизм – это попытки разорвать пути настоящего через обращение к другим временным периодам, не покидая, однако, земную сферу человеческого бытия”*. Нередко примиряющим началом, общим знаменателем для футуризма и архаизма становится фундаментализм.

Террор исламистов

Если этносепаратистский терроризм двух последних десятилетий в Европе внешне кажется возвращением в конец XIX в., то терроризм исламских фундаменталистов, старт которому по сути дала Иранская революция 1979 г., может показаться провалом в еще большие глубины истории, триумфом консерватизма и традиции. Однако это ошибочное впечатление. Начать с того, что традиционализм и фундаментализм – явления не просто различные, но противоположные. Если традиционализм направлен на “подморожение” общества, то фундаментализм ориентирован на возвращение к истокам, искаженным традицией, поэтому фундаментализм динамичен и многообразен. Не случайно исламский фундаментализм возник не как движение безграмотных мулл и не в традиционной среде, а как движение образованной молодежи, социальное положение и статус которой оказались под угрозой в результате различных “модернизаций сверху”, проводимыми “просвещенными лидерами” – как правыми, так и левыми (Иран, Египет, Алжир). Теоретики исламизма ставят задачу преодоления “глобального модернизма”, национальное государство –

один из главных его элементов и одна из главных ценностей, отсюда – против Запада, с одной стороны, и государства в своих собственных странах, с другой.

Ясно, что такая форма отрицания государства как института и фокуса коллективной идентичности возможна лишь в эпоху глобализации и формирования постиндустриального, постсовременного, информационного общества и выступает в качестве реакции на него. Если национально-освободительная борьба в мусульманском (и афро-азиатском в целом) мире, происходившая под знаменем универсалистских идеологий либерализма и марксизма была направлена на обретение суверенитета национального государства и была формой интеграции ведущих ее обществ в мир Модерна, то исламский фундаментализм, ни в коем случае не являясь пережитком прошлого и следствием слаборазвитости, направлен, помимо прочего, против современного государства и объективно выступает как средство интеграции своих обществ в мир Постмодерна. А поскольку это мир, в котором государство не играет столь существенной роли, как прежде (это современная **мировая система** была системой государств, постсовременная **глобальная система**, “мир-коммуникация” – система супер- и субгосударственных локусов), то фундаментализм с *Sein Kampf* оказывается удивительно созвучен постмодернистскому миру. Кстати, это признают критики как исламизма, так и постмодернизма, говоря о фундаментализме как “третьемировской форме фундаментализма”.

Здесь уместно вспомнить и то, что не кто иной, как Мишель Фуко приветствовал хомейнистскую революцию в Иране в качестве первой постмодернистской революции нашего времени. В принципе, с Фуко можно было бы и поспорить: в известном смысле первой постмодернистской и постиндустриальной, по крайней мере, по направленности, революцией нашего времени началом “великого перелома” конца XX в. была так называемая “студенческая революция” 1968 г., и связанный с ней всплеск вооруженного насилия в ядре капиталистической системы. Тем не менее, Фуко прав в том, что иранская революция носила “постмодернистский” характер; она действительно стала “мартовским идами” Модерна в Третьем мире – первая

антиимпериалистическая периферийная революция не просто, не под универсалистскими, марксистскими лозунгами, но и вообще не под светскими.

В то же время, иранская революция была именно городской, а не сельской, как афроазиатские (и латиноамериканские) революции трех “волн” (1917-1920, 1944-1962, 1974-1978) революций XX в. Это естественно: город есть узел современных коммуникаций, и прав Э.Хобсбоум, когда пишет: революции в конце XX в., чтобы победить, должны быть городскими. Эпоха *“окружения городов деревнями кончилась”*, как это ни парадоксально, вместе с индустриальным миром. В любом случае иранская революция стимулировала развитие исламского и международного терроризма.

Другим фактором-стимулом, но несколько иначе, стали события в Афганистане – как ввод туда советских войск, так и вывод, возникновение политического вакуума, а затем гражданская, точнее – племенная война. Уже в 1992 г. серьезные люди, в том числе и в афганском руководстве, начали высказывать опасения в том, что с точки зрения терроризма и наркоторговли Афганистан может превратиться в супер-Ливан. Несбывшиеся надежды на суннитскую революцию в самом Афганистане, невозможность найти работу в разрушенной войной стране, анархия – все это подтолкнуло моджахедов к продолжению боевых действий за пределами страны. Одни делали это по идейным соображениям, другие – по материальным.

Можно сказать, что к сегодняшнему дню отыскался след афганский во всех “горячих точках” мира. Бывшие моджахеды – как афганцы, так и арабы, прошедшие Афганистан – воевали в Таджикистане, Нагорном Карабахе, Чечне, Кашмире, Боснии; они приняли участие в восстаниях мусульман в Барене (Западный Синьцзян, Китай) и на о.Минданао (Филиппины), в гражданской войне в Алжире; их присутствие ощущается в бывшей советской Средней Азии, в Египте и даже в США (в 1987 г. один из афганских лидеров, Хекматияр, принял решение о создании на Западе и, в частности, в США сети центров “спящих агентов”).

Исламизм, исламский фундаментализм – это, помимо прочего, ответ мусульманского мира на упадок Модерна и формирование Постмодерна. Это

исламский ответ на НТР, и, по-видимому, исламский путь в эпоху “информационного постиндустриального общества”. Не важно, что сами эти общества страдали от отсутствия индустрии, а ныне не могут похвастаться развитым постиндустриальным сектором – Ленин назвал бы это логикой “слабого звена”, а Маркс откликнулся бы афористически – *“язычники, страдающие от язв христианства”*. Похоже, в своих обществах исламисты быстрее других становятся людьми XXI в., как в России, Италии и Германии, в начале XX в. первыми людьми этого века, пусть и по “негативу” оказались большевики, фашисты, нацисты, но это уже другая тема. Здесь ограничусь лишь замечанием, что Будущее, как правило, приходит как негатив, как *“ощущение зловещего превосходства”* (К.Поланьи) одних над другими, и проявляется только со временем – получите 10x15.

Борьба террористов **против** государства как фокуса коллективной идентичности и **за** иной фокус (например, умма, – сообщество верующих) – далеко не худший по своим результатам вариант “постмодернистского” отрицания государства на практике. Бывают случаи и хуже, когда нового надгруппового фактора идентичности нет. Например, крушение государства в центре Африки, торжество этноплеменного футуроархаизма (или архаифутуризма) уже стоило жизни миллиону хуту и тутси в войне, которую нельзя назвать иначе, чем анархическая бойня-мятеж.

“Серые зоны”

Другой случай “обретения” постгосударственной, коллективной идентичности – “серые зоны”. Этот термин предложил французский журналист Ж.-К.Рюфэн для обозначения зон, которые находятся по сути вне реального контроля легальной власти и о ситуации в которых мало что известно. “Серых зон” много и становится все больше по мере глобализации, отступления и ослабления национального государства. Такие зоны есть в Африке, Южной Америке, в Азии и даже в некоторых промышленно развитых странах (США, Италия, Испания, Франция и др.).

“Серозональность” ядра капиталистической системы от таковой полупериферии и периферии отличается тем, что носит не столько геотерриториальный, физическо-пространственный характер (хотя и это есть – например, Южный Бронкс в Нью Йорке), сколько социопространственный. “Серой зоной” (а надо помнить, что сам термин пришел из авиации, где он обозначает участки местности, недоступные контролю радаров) здесь оказываются некоторые “этажи” или части некоторых “этажей” социального небоскреба; например, с 1-го по 16-й “этаж” – все нормально, а вот 17-й и часть 18-го серые зоны; а с 19-го – все опять нормально. Пожалуй, именно “социопространственные” “серые зоны” бывший премьер-министр Франции Э.Баладюр называл “зонами неправа”, т.е. социальными участками, принципиально нерегулируемыми правом, а значит и государством. Удачная метафора.

Геопространственные “серые зоны”, как правило, контролируются либо криминальными сообществами (например, зона Медельина в Колумбии, целые районы Боливии и Перу, “золотой треугольник” в Юго-Восточной Азии на стыке границ Таиланда, Бирмы и Лаоса), либо “приватизированными” государственную власть племенами и кланами (зона в Африке, расположенная вдоль “минеральной дуги” от северных границ ЮАР почти до экватора, Афганистан, отчасти Таджикистан), повстанческими движениями (Перу). Наркобизнес, торговля оружием, терроризм – вот тройственный лик “серых зон”. 7% активного населения Перу и до 25% активного населения Боливии занято в производстве и транспортировке наркотиков.

“Серые зоны” ныне – такая же реальность, как “государство”, вот только натренированный Модерном государствоцентричные глаз и ум (даже “статистика” происходит от слова “государство” – staat, state) отказываются их замечать, видя в них и понимая их как временное отклонение, криминализацию, полагая их не социальной, а полицейской проблемой, делом “закона и порядка”. Это ошибка: новому миру нужны новые карты, новая социальная география, которая должна занять место геополитики. Агентами (субъектами) того передела мира (или пересдачи Карт Истории, как сказал бы Ф.Бродель), который

происходит на наших глазах и, продлившись еще 15-20 лет, определит значительную часть XXI в., выступают далеко не только государства. Ах, как прост и по-своему уютен З.Бжезинский – эдакий андерсоновский Оле Лукойе, если бы не недобрые, антирусские глаза – с его “Великой шахматной доской”. В перделе ведь участвуют далеко не только государства. Здесь и международные организации, и транснациональные корпорации, и “силовые” ведомства, и просто ведомства (например, сырьевые), вышедшие из-под контроля государства и “взбесившиеся”, словно раковые клетки; здесь племена и кланы, “серые зоны”, криминальные сообщества различных типов (мафия, ндрангета, каморра и т.д. и т.п.), этнические диаспоры, принципиально новые группы буржуазии (“гипербуржуазия”, “космократия” по терминологии Д.Дюкло) и даже постбуржуазии. Для такой ситуации “шахматы”, пожалуй, неточная и старомодная ассоциация и аналогия, требуется нечто более архаифутуристичное. Например, “го”. “Большое мировое го”. Это будет точнее. И в духе времени – японское, восточноазиатское, неевропейское – гулять по постмодерну, так гулять! Ну а тем, кто все же больше склоняется к ассоциациям с евроамериканским опытом можно предложить “Dungeons and Dragons”. Эта ролевая игра фантастически точно отражает суть нынешнего мира.

Интересы агентов современного (и в этом смысле постмодернистского) пердела и перелома взаимопереплетены, сплетаются и расплетаются, превращая “друзей” во “врагов” и, наоборот, в зависимости от краткосрочных и среднесрочных интересов. Все это запутывает картину, делает ее трудной для адекватного ей социального и политического анализа. “Новый мировой беспорядок”, “хаос”, “мир у точки бифуркации” – эти пригожинские или навеянные его теориями термины хорошо фиксируют суть глобализации, ведь “серые зоны” – это один из ее закономерных результатов.

Есть “серые зоны” и на территории России. Крайний и экспериментально наиболее чистый вариант – Чечня с ее бандформированиями, терроризмом и террористами. Чечня, что бы не говорили “идеологи Ичкерии”, – не государство, как не являются государством “серые зоны”. Это не мафия. И не кланово-племенной союз, сходство внешнее, а отчасти даже сущностное есть, но не оно

главное. Мы уже привыкли говорить о чеченском терроризме, привыкли к ярлыку и, похоже, даже не интересуемся социальным содержанием, которое за ним скрывается или, точнее, которое он искажает. Терроризм басаевых, радуевых – только по форме терроризм. Содержание здесь иное, чем у обычного терроризма. В чем же суть?

“Коллективные хищники”, “асоциальные острова” и “банднаселения”

В свое время исследователи преступности в крупных американских городах, например в Лос-Анжелесе, предложили формулировку “банда как коллективный хищник”, “банда как малое общество” и заговорили даже о “населении банд” как “островов улицы” (кстати, “остров на улице” – это близко к “серым зонам”), т.е. эдакие асоциальные таинственные (и не очень) острова. Городской бандитизм – устойчивый феномен, по определению специалистов это *“сгусток, структура вызывающего индивидуализма”*. Я бы добавил: индивидуализма, коллективно организованного и опирающегося на определенную социальную среду, на определенную популяцию, являющегося лишь ее крайним, асоциальным выражением.

В условиях “разделяемой бедности”, скудости ресурсов, нередко сопровождающихся социальной инволюцией и аномией, коллективное социальное хищничество становится нормальным способом существования части “улицы”, да и улице в целом кое-что перепадет. Целые районы в мегаполисах, таких как Лос Анджелес, Рио де Жанейро, Мехико, Манила, Лима, Киншаса и др. – это царство “коллективных хищников”, “банднаселений” (а не просто бандформирований). И социализация здесь с 6-8 лет приобретает асоциальный характер жизни в юношеских бандах “генералов песчаных карьеров”. И все же внутри городов ситуация более или менее (хотя чаще менее, чем более), контролируется. Хуже обстоит дело в сельской местности, особенно

лесистого или горного типа, более или менее изолированных от мира. В XIX-XX вв. целый ряд таких местностей во всем мире (Мексика, Центральная и Южная Америка, Сицилия, Ирландия в Европе и др.) оказался в тяжелом экономическом и социальном положении. Оставаясь сельскими эти местности перестали быть крестьянскими – это еще аграрный, но уже посткрестьянский мир, где основная масса населения – бесправные и едва способные прокормить себя затерроризированные арендаторы или мельчайшие “призрачные” собственники, чья жизнь – борьба за выживание, перманентная виоленсия. (Эта реальность хорошо отражена в латино-американской литературе, причем не у Г.Гарсия-Маркеса, чьи романы похоже изначально спланированы-скроены под успех у европейского читателя, а у менее известных авторов, таких как Х.Рудольфо с его “Педро Парамо”, А.Роа-Бастоса, М.А.Астуриаса).

Традиционные ценности, формы социальной организации идентичности в таких районах, как правило, в той или иной степени ослабляются и их место занимает то, что Э.Бэнфилд назвал “аморальным фамиллизмом”. Однако если такие сельские сообщества смогут организовать в качестве коллективного грабителя или эксплуататора по отношению к более или менее развитым соседям, то они не только получают экономически-внеэкономическую основу существования, но эта основа становится дополнительным фактором как сохранения или даже усиления коллективного (этнического, социального или территориального) единства, так и ослабления “аморального фамиллизма”. Хотя последний, благодаря “социальному хищничеству”, присущему всем формам бандитизма (“вызывающего индивидуализма”) все равно развивается и так или иначе подтачивает кланово-племенную структуру. Еще один фактор ослабления последней и ее иерархии (в банды чаще всего сбиваются бедные и незнатные) – само наличие банд и функционирование бандитского промысла. Иными словами, взаимодействие коллективно-асоциальной и клановоплеменной структур носит противоречивый характер, в него встроены потенциальный конфликт, который и надо в определенных ситуациях (стратегия “святого Амвросия”) использовать.

В любом случае, “социальный бандитизм” становится коллективным средством для того, что чтобы вырваться из социального ада, причем средством, безусловно, адским. Ф.Бродель когда-то писал по этому поводу: *“Можно ли выбраться из ада? Иногда – да, но никогда самому по себе, никогда без того, чтобы безоговорочно пойти на тесную зависимость от других людей. Нужно присоединиться к той или иной социальной организации, какой бы она ни была или нужно из всевозможных кусочков создать новую – с ее собственными законами внутри какого-нибудь конгломерата. Организованные банды торговцев солью, контрабандистов, фальшивомонетчиков, разбойников, пиратов... – вот, пожалуй, почти все прибежища для спасения тех, кто не хочет оказаться в (социальном) аду. Как бы то ни было, но мошенничество и контрабанда восстанавливали порядок, дисциплину и различные формы солидарности и единства. У бандитизма есть свои вожжи, свой порядок, свои кадры, организованные по принципу сеньерии”*.

Одним из главных средств воздействия “бандитских сеньерий” на соседей, особенно более богатых, чем они, является террор, терроризм, главная задача которого – запугать жертву, сделать ее объектом коллективной асоциальной эксплуатации. И единственный адекватный краткосрочный ответ здесь сила, устрашение, чтобы, как сказал бы Вилли Старк из “Всей королевской рати” Роберта Пенна Уоррена, *“их внуки писались, сами не зная, почему они это делают”*.

В XIX-XX вв. развившееся по восходящей национальное государство такую силу имело и теснило “банднаселения” городов и сел, загоняло их в углы в прямом и переносном смысле этого слова, множило на “социальный ноль”. Однако после того как в последней трети XX в. начался процесс ослабления и отступления государства, “коллективная внеэкономическая эксплуатация” как средство существования бедных районов и(или) районов с традициями “социального бандитизма” стала все более частым явлением. Более того, в глобализирующемся-локализирующемся мире Постмодерна эта эксплуатация нашла, обрела, создала себе адекватную форму “серой зоны” и уже в этом качестве вступила в борьбу со слабеющим государством как его грабитель,

конкурент, как альтернативная форма организации власти, как эксплуататор, комбинирующий черты хищника и паразита.

Мы словно вернулись в XIII-XIV вв., когда в Европе возникающее государство боролось с конкурентными и альтернативными ему формами организации власти – папством, епископством, торговыми союзами (типа Ганзы), городами, рыцарскими орденами, рыцарскими бандами. В ходе Великой Капиталистической Революции (1517-1648) государство устрасило всех конкурентов во внеэкономической (а капитал – в экономической) сфере и отпраздновало свой триумф созданием международной государственной системы (сначала – Вестфальской, затем Венской, Версальской, Ялтинской). Ныне эта система рушится вместе с государством как институтом. И рушат его как отдельные государства, так и надгосударственные структуры – НАТО. Устанавливая свой порядок в одной части мира и на одном уровне, США и НАТО ослабляют его в других частях, и на других уровнях, создавая благоприятные условия для “серых зон” и, возможно, наивно полагая использовать их против отдельных государств (например, против России; например, в кавказско-прикаспийской зоне). Так порядок порождает хаос. Думаю, расплачиваться рано или поздно придется и тем, кто его порождает. Как говорил Блаженный Августин, наказания без вины не бывает.

В формировании “серых зон” и их укреплении как правило соучаствуют и коррумпированные чиновники различных государственных структур. Так оформляется социальный союз продуктов и агентов разложения, гниения государства, да и просто легальной власти, с одной стороны, с агентами процессов внеlegalизации и ассоциализации, приватизации власти – с другой. Социопространственные “серые зоны” объединяются с геопространственными в целях дальнейшего разрушения государства, бесконтрольного проедания “общественного пирога” и отсечения от него населения, которое становится объектом социального хищничества, паразитизма, “вызывающего индивидуализма” и аморального фамильизма.

Банднаселение живет за счет населения.

Ну а главная форма устрашения населения и легальных структур, борьбы с последними, а равно с криминальными и “серозональными” конкурентами, у банднаселений, как уже говорилось – террор. Однако это уже нечто другое по содержанию и целям, чем “Красные бригады” и РАФ. И дело не только в том, что “бригадисты” и “рафики” – просто чайлд-гарольды по сравнению с чеченскими и другими террористами подобного типа. Дело в том, что это не терроризм, а война асоциально ориентированного населения (банднаселения) против социально организованного. Это столкновение двух принципов социальной организации.

Дни шакалов

Недавно я где-то прочел, что чеченские боевики – это в основном выходцы из незнатных, занимающих низкое место в социальной иерархии тейпов “собака” и “шакал”. Это кажется мне очень символичным. У Фредерика Форсайта есть роман “День шакала” о попытке покушения нанятого ОАС профессионального киллера по кличке “Шакал” на генерала де Голля.

“Шакал” – очень удачное прозвище для террориста. Символично, кличка одного из самых известных террористов второй половине XX в., – Ильича Рамиреса Санчеса, арестованного пять лет назад в Хартуме, – “Шакал”. У нас, похоже, наступили “дни шакалов”. Одни “шакалы” взрывают мирных людей, другие борются за власть, используя в своих “играх непатриотов” шакалов-террористов – прямо или опосредованно, как “слепых агентов”, как марионеток. Впрочем, в нынешней Смуте порой трудно сказать кто – хозяин, а кто – марионетка: “кукла” вдруг оказывается “кукловодом” и наоборот. Ситуации меняются, и непросто решить, кто кого использует: чеченские бандиты своих покровителей в Москве или наоборот. Да и так ли уж это важно в общем смысле? Россию рвут на части и те, и другие, используя друг друга. И уничтожая друг друга. Почти по Киплингу: схватка волков и рыжих псов – Большая Охота, после которой, как сказал старый мудрый Каа, *“не останется больше ни человечка, ни волченка, останутся одни голые кости”*. Почти – потому что не в

сказке, а на самом деле, часто кто-то все же остается. И очень часто это худшие и наиболее алчные из людей-псов в союзе с несчастными и задавленными нуждой, которых используют в качестве “пушечного мяса”. “Серые зоны” – это, бесспорно, игровая площадка людей-псов, людей-шакалов, людей-гиен. Зоологизация и энтомологизация социальной жизни, торжество дочеловеческих форм социальности, право силы и бессилие права – вот черты серозональности.

Повторю: в связи с тем, о чем сказано выше, представляется очевидным: “чеченский терроризм” (и прочие терроризмы этого типа) – терроризм лишь по форме. По сути же это характерная для глобализирующегося/локализирующегося мира постмодерновая война, с одной стороны “серой зоны” – сильного, сплоченного и хорошо организованного коллективного хищника, коллективного бандита, бандсоциума, сумевшего подмять под себя все или, по крайней мере, многое некриминальное в своем, этносоциальном организме или заручиться его нейтралитетом, а то и пассивной поддержкой, хищника, стремящегося стать коллективным эксплуататором и выступающего в таком качестве, с другой – слабеющей, разрушающейся под ударами извне и изнутри, неповоротливой и кадрово бездарной, продажной квазицентрализованной, квазигосударственной властью (поверхностная аналогия – Югуртинская война, которую разлагавшийся республиканский Рим бездарно и позорно проигрывал до появления лидеров диктаторского типа – Мария и Суллы).

Речь идет о схватке двух структур, представляющих собой различные формы, продукты и варианты разложения мира и общества Модерна (как когда-то противостояние Московии, Крыма и Казани представляло собой борьбу принципиально различных форм, продуктов и вариантов разложения двухсотлетнего мира Золотой Орды с той лишь разницей, что противостояние России и Чечни – это противостояние легальной и внезаконной структур). Схватка, о которой идет речь, не уникальна – аналогичные процессы идут везде в мире, где “серые зоны” и другие негосударственные структуры бросают вызов слабеющему национальному государству. Чаще всего (и успешнее) это происходит на периферии и полупериферии нынешней глобализирующейся

мировой системы. Однако по мере ослабления и разрушения государства вне ядра капиталистической системы, по мере усиления политического влияния хозяев “серых зон”, по мере усиления массовой и практически неконтролируемой миграции с Юга на Север (и в Россию!), “серозональность” становится проблемой Севера, проблемой куда более серьезной, чем та, что виделась А.Тойнби-младшему как союз внутреннего и внешнего “пролетариата”. Вопрос в том сможет ли (и если да, то как и как скоро) население противопоставить “серым зонам” и банднаселению постгосударственную форму легальной властной организации. Ну и, естественно, сохраняющиеся государственные формы необходимо задействовать на полную мощь.

Война – мировая или всемирная?

Когда-то, в эпоху Холодной Войны, мир пугали (и он сам себя пугал) Третьей мировой войной – всеобщей, охватывающей весь земной шар схваткой блоков и государств. На самом деле период Холодной Войны оказался беспредельным по своей стабильности временем в истории человечества (единственный аналог, который приходит на память, – период 1815-1853 гг.). А вот окончание Холодной Войны ознаменовало вступление мира в эпоху нестабильности. И если уж говорить о новой мировой войне, то она должна быть по счету уже не третьей, а шестой или пятой, в зависимости от того, включаем мы в список мировых войн вместе с наполеоновскими и Семилетней Тридцатилетнюю или нет (думаю, нет). Однако на самом деле, полагаю, говорить нужно не о третьей мировой и вообще не о **мировой**, а о принципиально новой – **всемирной**.

Мировые войны в капиталистической системе были выяснением отношений между претендентами на гегемонию – Великобританией и Францией, США и Германией. При этом один претендент был державой континентальной а другой – морской, он-то и становился победителем. Правда победа эта бывала обусловлена, и я подробно описал этот механизм в “Колоколах Истории”, союзом морской державы с такой континентальной державой как Россия/СССР.

Россия/СССР не боролась за гегемонию в капиталистической системе (СССР вообще сам был антикапиталистической мировой системой), а решала в мировых войнах свои задачи перетирая своим пространством и(или) людской массой армии континентальных государств, унимая “широко шагающих молодцов” – Фридриха, Наполеона, Гитлера: *“Едут-едут по Берлину (Парижу) наши казаки”*.

Мировые войны охватывали мир в целом, как целостность. **Всемирная** война – это война, которая может идти повсеместно в мире, во многих точках, между многими агентами, но, не охватывая мир в целом, не затрагивая как систему, вопрос общемировой гегемонии и не между двумя агентами (или блоками).

Такая – всемирная, точечная, “пуантилистская” война уже идет. Это не война-целостность, а война-совокупность локальных конфликтов, точнее, мятежей неких зон, районов против центральной власти. Направлена она на то, чтобы, помимо прочего, либо отобрать у этой центральной власти право распоряжаться местными ресурсами, либо чтобы насильственным, чаще всего, террористическим путем заставить эту центральную власть согласиться с тем, что локальный хищник будет в той или иной форме эксплуатировать подконтрольные ей ресурсы и население. Это, на мой взгляд, и есть **всемирная война XXI в.**, война эпохи позднего капитализма (и, как знать, возможно, и посткапитализма, со всей очевидностью возникающего на наших глазах в качестве намного более жестокого, “эксплуататорского” и неэгалитарного общества, чем буржуазное).

Так же как война на “входе” в капитализм – Тридцатилетняя – представляла собой череду, диахронную цепь локальных войн в европейской **мир-системе**, война на “выходе” из капитализма может представлять собой (историческая симметрия) совокупность локальных войн на всем пространстве **глобализирующейся мировой системы**. Субъектами в этой войне – и это тоже ее отличие от мировых – выступают не только государства, но и другие агенты – “серые зоны”, корпорации, спецслужбы, племена и т.д. К сожалению, о вероятности такой войны по сути ничего не сказал О.Тоффлер в своей книге

“Война и антивоина: выживание на заре XXI столетия”, логически подобный вывод из его материала вполне возможен. Хороший термин для всемирно-пуантилистской войны – “мятежевойна” – предложил Е.Э.Месснер (см.: “Независимое военное обозрение”, 1999, № 43). К сожалению, Месснер, автор великолепных работ, ошибочно отождествляет “мировой” и “всемирный” тип войн.

Это, однако, не умаляет значения предложенного термина. Всемирные войны приходят после мировых, они – явление постмодерновое, т.е. глобально/локальной эпохи.

Мятежевойна как явление эпохи НТР, глобализации и локализации (глокализации) мировой системы неизбежно приведет к существенным изменениям в военном деле, в организации армии. Более того, она уже ведет к ним, как показала, например, война в Персидском заливе (подр см.: Фурсов А.И. Залив // Арабо-мусульманский мир на пороге XXI в. – М., 1999. – С.155-195).

Как это ни парадоксально на первый взгляд, но НТР и Постмодерн, продуцируя всемирную мятежевойну, как бы возвращают организацию армии в конец поздней античности и начало средневековья (IV-VII вв. н.э.), с одной стороны, и в эпоху, предшествующую “железной революции” (X-VIII вв. до н.э.), с другой. Речь идет о ведении боевых действий не массовыми армиями, а небольшими мобильными соединениями “дружинного” типа. Мы теперь называем это “коммандос”.

Мятежевойна – это война с меньшинствами, пытающимися диктовать свои условия, установить свое господство. Пророческими оказываются слова Дж.Рестона: *“Мы находимся ... в начале (эпохи. – А.Ф.) тирании воинствующих меньшинств. Чем больше людей скапливается в городах по всему миру, тем уязвимее эти города перед лицом безответственных политических организаций”*. Мораль? Она проста. Не надо допускать представителей таких организаций и меньшинств в городские зоны – бить (если нужно) противника на его территории.

В такой ситуации, “если завтра мятежевойна, если завтра в поход”, резко возрастает роль и значение физической (и психологической) подготовки. Как

заметил Ф.Форсайт, *“к концу войны (в Персидском заливе. – А.Ф.) стало ясно, что для решения некоторых задач в определенных регионах земного шара пока не существует равноценной замены... человеческому глазу и человеческому разуму”*.

Война в Заливе, а также войны во Вьетнаме, Афганистане, Чечне, антинаркомафиозные операции США в Центральной и Южной Америке и т.д. показали, что приборы, техника далеко не так всемогущи, как полагают многие, в частности, те же американцы. На мировом Юге (а именно он главная арена мятежевойн) в борьбе с терроризмом техника хороша и работает только до определенного предела, за которым решающую роль играют профессиональные, морально волевые (*“В бою терпит поражение тот, кто первым опускает глаза”*. – Тацит), психологические, физические.

Это – добрым молодцам урок и информация к размышлению о том, какой должна быть будущая армия, которой, как и нам всем, скорее всего, предстоит жить в состоянии перманентной мятежевойны; какой должна быть реформа, направленная на создание такой армии. Для России все это важно вдвойне или даже втройне потому, что все великие реформы в русской истории удавались в той степени, в какой удавалось создать принципиально новую армию (и флот). Кто-то из русских царей XIX в. заметил, что в России у власти только два союзника – армия и флот. В ситуации мятежевойны, которую мы до сих пор продолжаем воспринимать как “терроризм бандформирований” это замечание имеет крайне важное значение. Армия, флот, спецвойска, спецслужбы – вот военные средства активного противодействия таким явлениям как мятежевойна, возрождение архаических форм социального хищничества, нововарваризация экономики и общества, причем не только у нас, но и во всемирном масштабе.

А каковы средства невоенные? Есть ли они?

Уже упоминавшийся Ж.-К.Рюфэн считает, что у “неоимперии” (так он называет Запад и Россию) есть только три стратегии по отношению к “неоварварам” (термин тоже его): “стратегия Клебера” (попытка привить неевропейцам европейские, т.е. буржуазные ценности, но она уже провалилась и ее добивает Постмодерн с его партикуляризмом и мультикультурализмом, в

которых политически заинтересованы формирующиеся группы новых хозяев мира – гипербуржуазии и постбуржуазии); “стратегия барона Унгерна”, ведущая в конечном счете к захвату Севера союзом сил Юга и отчасти Севера и Юга; “стратегия Марка Аврелия” – “лимес”. Именно этому последнему отдает предпочтение Рюфэн. Речь идет о проведении черты – лимеса, создания вдоль нее буферных государств (“государств-тампонов”), которые заблокируют распространение “мятежевойны” (“терроризма”) на Север. У этой стратегии однако, свои, минусы. Сокращение (или прекращение) миграции, даже если забыть, что, с одной стороны, оно противоречит многим краткосрочным экономическим интересам, а с другой скорее всего вызовет истерику со стороны некоторых политических сил – социал-демократов, всяких “зеленых”, “голубых”, “розовых” и т.п., в той или иной степени потребует демонтажа ряда демократических институтов, завоеванных трудящимися в эпоху после революции 1848 г., что, безусловно, изменит сам Север на небуржуазный лад. Но большее ли это из зол? Думаю, нет, когда речь идет о цивилизационной идентичности и физической безопасности. Иначе рано или поздно Север и Россия будут зоной такой мятежевойны, по сравнению с которой, то, что мы ныне называем “терроризмом” и “криминализацией” может показаться играми бойскаутов. Ну и, разумеется, речь должна идти не только о сдерживании терроризма, но и его отбрасывании, включая обязательное физическое уничтожение террористов везде и всегда, пусть двадцать лет спустя, как это делают израильтяне. “Хороший террорист – мертвый террорист”. Надо улучшать жизнь.

Это – **теория** и большая политика. А как лучше всего **конкретно** бороться с терроризмом? На этот же вопрос должны ответить специалисты, профессионалы. На мой взгляд, действовать надо так, как это делал генерал Верлинов из трилогии моего любимого Д.Корецкого. По крайней мере, это может принести моральное и профессиональное удовлетворение: штык в горло и два поворота – чтобы не мучался. Но, к сожалению, это не решит проблему. Суть дела в том, что у нынешнего терроризма – глубокие нетеррористические корни, что сам терроризм – не столько причина, сколько следствие. За одним и

тем же явлением – терроризмом – в 1970-1990 гг. скрываются разные сущности и, следовательно, разные причины. А раз так – нужны разные стратегии борьбы и предупреждения

He who is alarmed is armed.

Нынешний терроризм сам по себе не есть проблема, он элемент новой **проблематичной реальности**, которую можно сформулировать как триаду “Глобализация. Постмодерн. Безопасность”. Терроризм – лишь один из ее ликов, лишь один из элементов (и одно из средств) нынешнего Большого Передела, Великого перелома, Всемирной Смуты, Мирового Булгачного Времени. До тех пор, пока мы не научились понимать это время в целом, мы не сможем ни противостоять этому времени и его “героям”, ни справиться с частностями. Как говорил В.И.Ленин, тот, *“...кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя “натывать” на эти общие вопросы”*. Главными общими вопросами сегодняшнего дня мне представляются развитие (умирание?) нынешней капиталистической системы и место России в этом процессе. Но это уже другая тема.